

Где рукописи Бабеля?

ОТКРЫТЫЙ АРХИВ

"Новые рассказы", новелла "Коля Топуз", пьеса "Дума про Опанаса", переводы из Шолом-Алейхема, дневники и роман о лошадях — таков неполный перечень рукописей, которые могут составлять архив Исаака Бабеля, изъятый при его аресте в 1939 году и с тех пор бесследно пропавший. Его вдова Антонина Пирожкова все еще не теряет надежды на то, что черновики выдающегося писателя, представителя течения революционного романтизма в русской литературе 20 — 30-х годов, целы и их удастся отыскать. Об этом она поведала в интервью корреспонденту ИТАР — ТАСС в своем доме в предместье Вашингтона, где сейчас проживает с дочерью Лидией Исааковной Бабель, внуком Андреем Малаевым-Бабелем и его американской супругой.

Владимир КИКИЛО

Многие годы Антонина Николаевна пыталась выйти на след рукописей "крестного отца" Бени Крика, певца бессмертной "Конармии", расстрелянного в подвалах Лубянки в 1940 году по ложному обвинению в терроризме и шпионаже. Когда после посмертной реабилитации писателя в 1954 году Пирожкова обратилась с официальным запросом в Министерство государственной безопасности, ей ответили: в списке личных вещей, изъятых у Бабеля при аресте, в самом деле значатся пять папок с рукописями, но они бесследно пропали.

Не помогли и последующие обращения тогдашнего секретаря Союза советских писателей Алексея Суркова в "органы". У

Пирожковой появились подозрения, что рукописи Бабеля были попросту сожжены. Но почему тогда в деле Бабеля отсутствовала составлявшая в таких случаях официальная справка, как это было, например, с рукописями Михаила Кольцова, арестованного примерно в одно время с Бабелем?

В советских архивах и в 70-е годы нет-нет да всплывали рукописи репрессированных писателей, что поддерживало в Антонине Николаевне слабую надежду на то, что бабелевский архив все же отыщется. В 1987 году, в эпоху гласности, она решила попытаться счастья еще раз и обратилась в КГБ с новым запросом. Ее посетили на дому два вежливых сотрудника комитета, сообщившие, что рукописи были сожжены, и выразили вдове писателя сочувствие.

И все же Пирожкова продолжает надеяться. Может быть, ее поддерживают слова булгаковского Воланда о том, что "рукописи не горят"? "Мне стало изве-

стно, что вскоре после ареста Бабеля мешок с его рукописями затребовали "на самый верх", т.е. в Центральный Комитет, — рассказывает она. — К кому они там попали, остается только гадать, поскольку отвозившего их на Старую площадь сотрудника НКВД уже нет в живых". Теперь вся ее надежда — на президентский архив, куда рукописи могли поступить либо из общего партийного, либо из чьего-либо личного архива.

"Я пишу новеллу, где главное действующее лицо — бывший одесский налетчик типа Бени Крика, — рассказывал писатель супруге незадолго до своего ареста. — Его зовут Коля Топуз, и — по крайней мере пока — такое название носит и новелла. Я хочу показать, как такой человек приспособляется к советской действительности. Поскольку у него менталитет налетчика, он постоянно выходит за рамки нормальной жизни, что создает множество смешных ситуаций".

Над "Колей Топузом" и над "Новыми рассказами" он напряженно трудился всю весну 1939 года на даче в Переделкине. Когда на рассвете 15 мая сотрудники НКВД приказали ему одеться и выйти к машине, Бабель сказал супруге: "Они не дали мне закончить".

По свидетельству Пирожковой, в свои последние годы Бабель испытывал буквально неуголимую жажду писать. Как-то он сказал жене: "Каждое утро я просыпаюсь с желанием работать и работать. И если что-то мне мешает, я ужасно сержусь".

Пирожкова в недавно опубликованной в США книге воспоминаний "Рядом с ним: Последние годы Исаака Бабеля" пишет: "Он любил жизнь, он любил свою работу. Даже оказавшись в тюрьме НКВД, он попросил следователей вернуть ему рукописи, чтобы продолжать их править. Но и в этом ему было отказано".